

Г.Г. ХАЗАГЕРОВ

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДАННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

В современном динамичном «обществе знаний» словарь призван обеспечивать когнитивную стабильность и коммуникативную предсказуемость и поддерживать если не норму (с чем не справляются даже нормативные словари), то во всяком случае процесс установления идентичностей. Возможность создания на материале социологических опросов культурно значимых словарей — серьезный тест для социологии, а также для всех научных направлений, признавших коммуникацию «мерой всех вещей». Те, кто склонен искать критерий истинности не во внешнем мире, а в коммуникации, должны убедиться, что обнаруженные в ней истины могут быть структурированы и каталогизированы.

Предварительные соображения

При словарном описании коммуникация как материал (данные) является базой для когнитивных схем (словарей), которые, в свою очередь, подчинены коммуникативным целям — обслуживают слушающего (помощь в интерпретации текстов) и говорящего (риторическая помощь в построении текстов). Выстраивается таким образом прагматически обоснованная триада: коммуникация (цель) — когнитивная схема (средство) — коммуникация (ограничение, или материал).

При таком подходе релевантность словаря (когнитивных схем) непосредственно зависит от коммуникативных задач предполагаемого адресата, что позволяет избежать бесплодных рассуждений об адекватности словаря, исходящих из сопоставления текста с неким неопределенным референтом. Реальным адресатом является, очевидно, «говорящий класс» (журналисты, политики и другие общественные фигуры), чем, собственно, и обусловлена постановка риторической задачи. Словари должны оказывать помощь при риторической проработке тех или иных тем: очерчивать круг общих мест, подсказывать выбор аргументов, опорных концептов и ключевых слов, то есть иметь отношение к инвенции и элокуции. Эти же словари призваны оказывать и герменевтическую (интерпретационную) поддержку. Ин-

Хазагеров Георгий Георгиевич — доктор филологических наук, профессор Московского городского педагогического университета, сотрудник Института национальной модели экономики. **Адрес:** 129226 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4. **Телефон:** (095) 163–45–36. **Электронная почта:** khazagerov@mtu-net.ru

терпретация может проводиться либо непосредственно, в частности, при анализе речевой продукции социологом или иным аналитиком, либо опосредованно самим говорящим для оценки обратной связи с аудиторией («в каком смысле меня могут понять»).

Проблема валидности при таком подходе рассматривается как проблема ограничений, препятствующих успешному построению релевантных схем.

Обычные сомнения в семантической достоверности данных социологического опроса обусловлены его сложной процедурой, не получившей исчерпывающего описания с точки зрения прагматики ее участников. Коротко эти сомнения могут быть определены как «неестественность коммуникации» и «потеря информации при трансформационных переходах». Даже в словарном определении понятия «интервью» отмечается возможность «смещения интервьюера» [1]. В недавно вышедшей монографии Д.М. Рогозина «Когнитивный анализ опросного инструмента» рассматриваются трансформационные переходы при получении и анализе ответа, на каждом из которых возникают искажения смысла [2].

Существуют два пути, позволяющие избежать семантических потерь. Первый предполагает адекватное описание всей драматургии опроса (см.: [3]). С этой целью вводится понятие «коммуникативный круг», в который вовлечены не только интервьюер и респондент, но и социолог, и даже «инициатор опроса» — лицо или институт, заинтересованные в социологическом исследовании. Точнее было бы назвать этого участника бенефактором. В самом деле, речевое взаимодействие респондента и интервьюера спланировано не коммуникантом, а особым каузаторм — социологом, который, в свою очередь, ориентируется на некоего бенефактора, то есть на того, ради кого предпринимается опрос. На пути от бенефактора к респонденту вопросная реплика, формируясь, проходит стадии: «цели и задачи опроса» — «программный вопрос» — «анкетный вопрос» — «прозвучавший вопрос» — «услышанный вопрос». Ответная реплика, возвращаясь к бенефактору, проходит стадии: «прозвучавший ответ» — «услышанный ответ» — «записанный ответ» — «табличный ответ» — «программный ответ» — «итоговый ответ». Разобраться в прагматике такой многоходовой коммуникативной ситуации непросто, и эта задача, безусловно, является основной для тех, кто хочет усовершенствовать методику открытых вопросов и методику социологического опроса вообще. С нашей точки зрения, для решения подобной задачи потребуется специальный научный аппарат (нечто вроде «общей теории опросного дискурса»), который должен быть разработан в содружестве социологов и лингвистов и содержать как минимум такие понятия, как «сценированный (инспирированный) речевой акт» и «вторичный коммуникативный жанр».

С проблемой словарей связан второй путь. Он заключается в поиске семантических инвариантов, не зависящих от многоступенчатой и во многом искусственной системы опроса. Возникает вопрос: что в полученных социологом данных не зависит от искусственной, ущербной, с точки зрения обычной прагматики речевого акта, ситуации опроса? Можно даже спросить: нет ли у этой ситуации такого «побочного продукта», для появления которого сама искусственность ситуации была бы не помехой, а необходимым катализатором? Ниже мы попытаемся обосновать положительный ответ на этот вопрос, а искомый «побочный продукт» описать как материал для создания соответствующих словарей.

С этой целью введем, как и было заявлено в начале настоящей статьи, понятие дальней прагматики говорящего, под которой мы понимаем коммуникативные цели, выходящие за пределы данного речевого акта и направленные на коммуникацию в целом. Типичным проявлением дальней прагматики является, например, исправление ошибок в ударении в речи собеседника. Такое исправление не связано с непосредственной опасностью коммуникативной неудачи и не имеет отношения к теме разговора (если только его участники не акцентологи), а является заботой о сохранности кода как такового. Орфоэпические разногласия Павла Петровича Кирсанова и Евгения Базарова в «Отцах и детях» Тургенева связаны именно с дальней прагматикой говорящего. Отстаивая свои «принципы», то есть имея в виду прежде всего ближнюю прагматику, спорщики по-разному произносят само это слово, не забывая тем самым и о прагматике дальней. Опозиция ближней и дальней прагматики аналогична различению целерационального (ближняя прагматика) и ценностно-рационального (дальняя прагматика) поведения в концепции М. Вебера.

Дальняя прагматика всегда в большей или меньшей степени актуализирует метаязыковую или поэтическую функции языка, придавая речи автонимический характер, то есть характер саморепрезентации¹. Дальняя прагматика речевых актов обычных носителей языка служит базой для языковой рефлексии общества и чутко реагирует на отклонения от нормы (с чем, в частности, связан феномен передразнивания иностранного акцента или диалектных особенностей). В периоды активного становления литературной нормы интерес к дальней прагматике языка в обыденном общении резко возрастает. Например,

¹ Восходящее к Р. Карнапу понятие автонимической речи наиболее системно вводится Р. Якобсоном [4]. Сегодня то, что мы знаем об автонимической речи, репрезентирующей не только фрагмент действительности, но и себя самое, позволяет говорить о степени автонимичности.

мемуары С.П. Жихарева свидетельствуют о солидном удельном весе «языковой» тематики в светских разговорах 1805–1806 гг. [5].

Категория дальней прагматики позволяет шире взглянуть на речевой акт, перебросить мост от речевого акта к дискурсу, понимаемому как система. Выражаясь фольклоризированным языком Солженицына, можно сказать, что говорящие так или иначе «обустраивают» свой дискурс. Без элементов саморепрезентации речи, без проявлений минирефлексии по поводу словоупотребления, разбросанных в отдельных речевых актах, без «рассеянной санкции» коммуникантов в отношении своего дискурса это было бы невозможно. В то же время теория речевых актов ориентирована именно на ближнюю прагматику. Разумеется, исправление ошибки в ударе можно отнести к директивным актам, а самокоррекцию (если она сопровождается клятвенным заверением впредь говорить не «лѳжит», а только «кладет») — к комиссивам. Но дальняя прагматика присутствует в речевых актах, как правило, наряду с ближней.

Если введенное Дж. Серлем понятие косвенных речевых актов заставляет задуматься над «зазором» между прагматикой и языковой формой (нечто близкое к так называемой аллотеде древней риторики — случаю, когда одна грамматическая форма используется в значении другой, как это бывает, например, в риторическом вопросе), то дальняя прагматика наводит на мысль о двойственности речевого акта, в котором форма выражения, помимо передачи обычного содержания, репрезентирует самое себя. Отметим, что часто цитируемые в последнее время коммуникативные максимы Х. Грайса и И. Лича также не связаны с явлением дальней прагматики [6]. Они воспитывают в нас терпимых собеседников, но не подозревают в нас стихийных лингвистов, отдающих часть своего коммуникативного времени проблемам языка и дискурса.

Таблица 1

Когнитивные схемы опроса

Для нужд слушающего	Для нужд говорящего	Тип словаря	Тип материала
Семантическая номинация	Семантическая предикация	Словарь обыденных толкований	Открытые вопросы
Тематическая номинация	Тематическая предикация	Атлас обыденных изречений	Фокус-группы

Наше основное утверждение состоит в том, что ситуация социологического опроса актуализирует дальнюю прагматику, позволяя найти именно те семантические элементы, которыми «обустроен» дискурс. Можно выделить четыре когнитивных схемы, отражающие такое «обустройство» (табл. 1). Две из них строятся на базе открытых вопросов и ориентированы, соответственно, на слушающего и говоря-

щего. Две других — на базе протоколов фокус-групповых исследований; они имеют ту же ориентацию.

Открытые вопросы и обыденные толкования

Ответы на открытые вопросы интересуют нас как материал, позволяющий выявить обыденные объяснительные схемы, обыденные истолкования смысла слов. В этой связи мы обратимся не ко всем вопросам, а лишь к тем, в которых предлагается объяснить, растолковать нечто («Что такое...?»). В полученных схемах мы выделяем два момента: репертуар истолкований и инструментарий истолкований. Получение репертуара связывается нами с интерпретативными функциями словаря. Инструментарий истолкований, то есть те концепты и слова, с помощью которых объясняется смысл данного слова, будут интересовать нас в связи с риторическими задачами словаря.

Ниже мы подробно остановимся на получении, репрезентации и функциональном использовании репертуара смыслов, а также инструментария истолкований. Но сначала опишем речевую ситуацию ответа с точки зрения пригодности ее для извлечения обыденных объяснительных схем.

Опросная ситуация и обыденные объяснительные схемы (репертуар смыслов и инструментарий истолкования). Речевой акт, в ходе которого рождается ответ на открытый вопрос, выглядит с прагматической точки зрения весьма экзотически. Интервьюер задает вопрос не в связи со своими коммуникативными потребностями, а выполняя заказ социолога. Его некоммуникативные цели могут быть весьма далеки от целей коммуникативных. Респондент же не имеет собственной интенции к общению и поставлен в ситуацию, когда он вынужден отвечать.

В реальном диалоге разъяснение строится с учетом разности компетенций адресанта и адресата. Избыточные объяснения, когда такой разности нет, производят впечатление речевой неловкости. Так, один из персонажей «Швейка», полковник Циллергут, занимался тем, что разъяснял собеседникам и без того понятные им слова вроде слова «мостовая». В ситуации же опроса ответ дается «в пустоту», совершается объяснение «ни для кого». Тем самым ближняя прагматика оказывается ослабленной. Она может свестись, например, к желанию дать социально одобряемый ответ. Зато активизируется дальняя прагматика. Ответы респондента невольно смещаются в сторону метаплоскости. Отсюда очень часто в них речь идет не о реалиях, а о понятиях или даже словах. Встречаются ответы типа «Это неправильное слово», «Это пустое слово» или даже «Нужно найти другое слово». Этот «метапривкус» делает, с нашей точки зрения, ситуацию лабораторной. Некому абстрактному человеку предлагают объяснить, что такое, скажем, интеллигенция. Респондент оказывается в

роли автора словаря. Вот здесь и активизируются наиболее продуктивные объяснительные инструменты. В результате возникает нечто вроде эталонных обыденных истолкований смыслов.

Такие истолкования, если их брать в целом, а не приводить количественных данных, отражают объяснительные схемы, присущие современным носителям данной национальной культуры. А.Д. Райхштейн в работе «Лингвострановедческий аспект в устойчивых словесных комплексах» (1982 г.) вводит продуктивное понятие кумулятивной функции языка. Под ней он понимает способность языковых единиц «выражать в общеупотребительной и стабильной форме актуальное идейное достояние нации или отдельных ее классов на данном этапе развития, то есть конденсировать социально-исторический и идейно-политический опыт народа или определенных слоев» [7, с. 146-147]. Непонятным остается только целевое (прагматическое) обеспечение этой функции. Ведь прочие функции языка связаны не просто со способностью языковых единиц транслировать нечто, а с потребностями носителей языка. Вряд ли можно назвать функциями индоевропейских языков те их свойства, которые позволяют обнаружить их родство и восстановить на радость ученым желаемые праформы. Кумулятивная функция языка (скорее функция самосохранения) обеспечивается дальнейшей прагматикой говорящих, заботящихся о языке (язык понимается здесь в широком смысле слова, то есть без противопоставления речи).

Усиление «кумулятивности» мы наблюдаем в маргинальных ситуациях, например в детской речи. Здесь загадки, скороговорки, считалки, присказки направлены как на развитие собственной языковой способности, так и на поддержание таковой в среде ровесников. А то «идейное достояние», которым располагает ребенок, охотно облекается в рифмованные и ритмизованные формулы. Автотимичность речи обратно пропорциональна усилиям ближней прагматики. В сатирической повести Радое Домановича «Страдия» есть такой эпизод: учитель пишет заявление о повышении зарплаты и получает резолюцию «Стиль неправильный». Комический эффект основан на том, что усилия ближней прагматики неоправданно перенесены на прагматику дальнюю. Обратный случай состоял бы в том, что ученик вместо того, чтобы перевести на английский язык фразу «Сколько у вас карандашей?», полез бы в портфель считать карандаши.

Ситуация открытого вопроса — это ситуация объяснения поневоле или объяснения без надобности. При очень большой и эмоциональной заинтересованности в предмете, который нужно объяснить, настроенность на дальнюю прагматику поддержана лишь самой ситуацией объяснения. Но даже в этом случае она выше, чем в обычных бытовых высказываниях. Объясняя значения слов, мы невольно придаем словам элемент автотимичности. При малой же заинтересован-

ности предметом мы получим либо уклонение от объяснения, либо наиболее объективированное обращение к тем структурам, с помощью которых производится объяснение. Предпочтения, которые возникнут при объяснении, будут иметь скорее причину (данную когнитивную карту респондента), чем цель.

Что же угрожает здесь достоверности? Теоретически угроза связана с категорией истинности. Можно говорить об истинности отношения ответов к референтам (семантическая истинность) и к коммуникации (искренность, или прагматическая истинность). Первый аспект мало интересен. Если респондент считает интеллигенцией новых русских — это его мнение. Именно оно и интересует социолога. Искренность же складывается из соотношения подлинной интенции говорящего с теми коммуникативными намерениями, которые он демонстрирует. Скажем, под маской вежливой предупредительности (внешнее коммуникативное намерение) может скрываться ловушка (подлинное коммуникативное намерение). Так может складываться разговор следователя (например, Порфирия Петровича) с подозреваемым (Раскольниковым). Под видом дружеского участия можно дразнить и т. п. Социолога, выявляющего подлинное мнение респондента, вопрос «достоверности» (истинности), разумеется, волнует. Так, проблеме достоверности специально посвящены исследования А.Ю. Мягкова [8, 9]. Однако для выявления объяснительных механизмов вопросы искренности, достоверности так же неактуальны, как и вопросы истинности или ложности высказываемых суждений. Могут ли быть неискренними объяснения человека, не имевшего никаких намерений что-либо разъяснить, но вынужденного заниматься этим?

Предположим, респондент не считает академика Сахарова типичным интеллигентом, но на вопрос «Что такое интеллигенция?» ответил: «Сахаров, Солженицын». Каковы могли быть его подлинные интенции? Он мог предполагать, что этим ответом произведет хорошее впечатление. Он мог просто не знать толком, что такое интеллигенция и не слышать никаких имен, кроме названных. Можно ли в этих случаях считать, что его ответ исказит необходимые нам данные? Респондент в объяснительном инструментарии опирался на семантические прототипы, на прецеденты, которыми принято обозначать соответствующий класс объектов. Можно ли даже при сделанных выше допущениях считать, что его ответ исказил прецедентную структуру общественного сознания?

Иронические ответы также не в состоянии исказить картину, ведь ирония, будучи построенной на контрасте, оперирует антонимичными понятиями, а значит, сохраняет связь с исходной семой. Человек, который скажет, что Северный полюс — это место, где очень жарко, погрешит против семантической истинности, но не исказит наших представлений об инструментах, с помощью которых объясняется

«Северный полюс». Яркий пример — ответы, в которых говорится, что президент — это «отец родной». Возможно, что кто-то из отвечающих высказывался в ироническом смысле, а кто-то говорил серьезно. Но как бы то ни было, концепт «отец» использовался для разъяснения понятия «президент».

Только нелепые ответы, намеренная тарабарщина могут исказить наше представление об объяснительных схемах. Но такие ответы единичны и несуммируемы. Реально нелепые ответы связаны с фонетическими ассоциациями, когда само определяемое слово воспринимается неверно и толкование дается его парониму («семит» вместо «саммит»). Как бы парадоксально это ни прозвучало, но дефектная прагматика участников социологического опроса, стимулируя дальнюю прагматику, создает идеальные условия для выявления стандартных объяснительных схем. Во всяком случае, валидность социологического материала в отношении этих схем никак не ниже валидности того же материала в отношении тех целей, для которых он используется в повседневной практике.

Семантическая предикация и ее отражение в словаре (инструментарий толкований). Под символосферой языка будем понимать некую ядерную совокупность концептов, к которой в процессе объяснения носители языка сводят другие концепты. Таким образом, символосфера обеспечивает запас знаков, отсылки к которым позволяют осуществлять рецепцию нового, а также устраняют коммуникативные неудачи, снимая различие в языковой компетенции говорящего и слушающего. Так, в детской речи слова «дядя» и «тетя» (первоначально термины родства) используются для обозначения лиц в разных функциях, например, при описании профессий. Объяснение нового для ребенка слова и явления может звучать так: «Машинист — это такой дядя, который ведет поезд». Слово «дядя», безусловно, принадлежит к символосфере ребенка. Для научной и дидактической речи символосфера — это набор исходных понятий. Например, «геометрическое место точек» будет тем понятием, через которое может быть определена окружность или эллипс. В фольклорно-мифологическом сознании символосфера легко обнаруживает себя в ее маркированной части — персоналиях, имеющих собственные имена. Так, Ахилл становится синонимом скорости, Афродита — красоты, Афина — мудрости. То же, но в менее четких формах можно наблюдать и в обыденном языке: «Он, как Иван Грозный», «Это местный Пушкин» и т. п. В обычном словаре символосфера — это понятия, стоящие за словами, разъясняющими другие слова.

Символосфера пополняется за счет применения различных объяснительных стратегий. Объясняя что-то неизвестное или неопределенное через нечто более известное или более определенное, мы совершаем акт семантической предикации. Например, определяя прези-

дента как «аналог царя», некий респондент утверждает, что президент (субъект семантической предикации) подобен царю (предикат)². Сама ситуация вопроса подразумевает, что понятие «президент» мыслится как нечто подлежащее разъяснению вследствие новизны и недостаточной определенности (независимо от того, ощущает ли реально эту неопределенность говорящий). Ситуация ответа предполагает, что «царь» есть нечто настолько семантически простое и определенное, что ссылка на него может служить объяснением. Концепт царя обнаруживает свою принадлежность к символосфере данного респондента, поскольку последний использовал его для объяснения.

В данном случае респондент применил одну из самых распространенных стратегий семантической предикации — метафоризацию. В основе стратегии лежит использование механизма сходства. К такой стратегии особенно охотно прибегают тогда, когда субъект достаточно нов и малоизвестен. Так, на вопрос «Кто такие талибы» респондент отвечает, что это нечто вроде басмачей. В теории тропов есть понятие вынужденной метафоры — катахрезы (от греческого глагола *катаχραομαι*, одно из значений которого — «брать взаймы» [11, с. 918]). Так ребенок, видевший ранее автобусы, но впервые увидевший троллейбус, называет его «автобусом с рожками», ибо слово «троллейбус» ему неизвестно. «Автобус» же и «рожки» входят в символосферу этого ребенка. Объяснительные метафоры тоже носят характер катахрез. Их вынужденность обусловлена семантической неопределенностью разъясняемого понятия. Мы отвлекаемся от того, воспринимает ли сам отвечающий исходное понятие как неопределенное или просто реагирует на ситуацию вопроса, инициирующую разъяснение.

Следующая стратегия, метонимическая, основана на родстве понятий. В качестве определения какого-либо явления либо называются его характерные признаки («Справедливость — когда не лгут»), либо указываются типичные представители класса («Интеллигенты — это Сахаров, Лихачев»). Первый путь свойственен не только перифрастическим определениям (первый пример), но и определениям научным (дефинициям), в которых обязательна ссылка на ближайшее родовое понятие, а названные признаки трактуются не просто как характерные, но и как специфические: *per genus proximum et differentia specificam* («Интеллигенция — социальная группа, профессионально занятая умственным трудом»). Однако для обычного языка характернее перифрастические определения, в которых разные интенционалы соотносятся с одним и тем же экстенсионалом [12]. Таковы, например, «украшающие определения» различных стран: *Япония — Стра-*

² Подробнее о семантической предикации см.: [10].

на восходящего солнца; *Китай* — королевство колоколов. Таковы также дисфемистические, т.е. «принижающие, ругательные», определения продуктов: *Сахар* — белый яд; *Соль* — белая смерть и т. п.

Еще любопытнее второй путь — название представителей класса. В этом смысле очень полезной оказывается теория семантических прототипов Э. Рош [13]. Суть теории в том, что человек воспринимает любую семантическую категорию как имеющую центр и периферию и, следовательно, представителей тех или иных классов как «более прототипических» и «менее прототипических». Так, для англичанина «воробей» и «малиновка» — представители птиц как таковых. Для современного русскоязычного ребенка, выросшего в городе, разъяснение слова «птицы» квазисинонимическим определением «воробы, голуби, вороны» будет вполне удовлетворительным. Подобно этому респондент считает, что ссылка на Лихачева и Сахарова достаточно разъяснит понятие «интеллигент».

Возможно совмещение метафорической и метонимической стратегий в стратегии символической [14]. Собственно говоря, в теории, выдвинутой Рош, и в ее позднейших интерпретациях нет четкой акцентуации только генетической связи, так как говорится о «семейном сходстве» (family resemblance) между прототипом (воробьем) и другими представителями класса (дроздами и перепелками). Тем самым «воробей» не только характерный представитель класса (метонимия), но и похож на других представителей (метафора).

Таким образом, символосферу образуют семантические предикаты определений, построенных на основании метафорической, метонимической и символической стратегий. Очевидно, что наиболее устойчивое ядро символосферы составляют именно символические предикаты, так как их пригодность в качестве объяснительного материала мотивирована и сходством, и родством. Поэтому мы и назвали это явление символосферой. В науке подобное явление рассматривалось в трех различных аспектах: системно-культурологическом, системно-информологическом и эволюционно-культурологическом. Эволюционно-информологический аспект оказался невостребованным.

В связи с первым аспектом для характеристики картины мира, присущей той или иной национальной культуре, наряду с понятием «культурное пространство» используется термин «когнитивная база» [15]. Акцент здесь сделан на прецедентные феномены, в наших терминах — на символическую стратегию, так как прецедент, принадлежа к некоторому классу явлений, одновременно становится его репрезентантом. Считается, что когнитивная база хранит инварианты прецедентных феноменов. И в самом деле, базовые метафоры и семантические прототипы можно считать такими инвариантами. В словосочетании «когнитивная база» привлекает прозрачность термина и ориентация на специфику культур. Однако в реальном словоупотреб-

лении «когнитивная база» ближе к понятию картины мира как таковой, чем к «когнитивному инструментарию, используемому для адаптации нового». А именно последнее значение и интересует нас.

При информологическом подходе можно говорить о «семантическом ядре», к которому сводится некое семантическое многообразие. Например, совокупность гиперонимов (слов, называющих родовые понятия) и спецификаторов образует семантическое ядро всякого терминологического словаря. Такой подход свойственен работам по искусственному интеллекту и идеографическому описанию лексики. Совокупность дескрипторов тезауруса или семантических множителей, описывающих какую-либо лексику, можно назвать символосферой в нашем значении. Здесь привлекает намерение выделить ядерные единицы и свести сложное к простому. Однако в таком случае мы получаем не всю символосферу, а лишь ее часть, так как информологический взгляд на мир не ориентирован на сохранение метафорической составляющей. Принципиальная открытость метафорического ряда (все можно уподобить всему) делает бесперспективным использование метафорических дескрипторов. Закрывать же этот ряд можно, только опираясь на культурную традицию.

На символосферу можно взглянуть и с эволюционистской точки зрения. Такой подход мы обнаруживаем в теории эволюционных рядов Э. Тайлора, распространяемой в рамках семиотики культуры не только на вещи, но и на концепты и слова [16]. Например, автомобиль (как реалья) может быть рассмотрен как результат эволюции кареты. Ю.С. Степанов, распространяющий эту теорию и на концепты, и на слова, находит в реальном автомобиле черты, означающие его принадлежность к ряду кареты и избыточные с функциональной точки зрения [17]. Концепт автомобиля объяснялся через концепт кареты (ср. «каreta скорой помощи»). Космический корабль с этой точки зрения возводится к морскому кораблю (на уровне слов «борт», «экипаж» и т. п.). В нашем случае ответ «Президент — это аналог царя» тоже может быть проинтерпретирован в духе эволюционных рядов. Интересно, что в ответах респондентов одно и то же понятие может возводиться к разным рядам. Так, например, «президент» может быть возведен не к царю, а к «вождю», притом что вождь (исконная функция — военачальник) и царь (исконная функция — сакральная) образуют две независимые линии, судьба которых в индоевропейских культурах убедительно прослежена Э. Бенвенистом [18].

Исходные точки эволюционных рядов можно считать элементами символосферы. Однако всей символосферы они не покрывают. К тому же поиски исходных точек («архетипов») и поиски инвариантов — вещи различные. Инварианты — эксплицитно заданный когнитивный конструктор, с помощью которого строятся новые понятия, архетипы — теоретически вычленимые конструкты. При этом может оказаться, что

респонденты называют только некоторые элементы эволюционного ряда, другие же можно только реконструировать.

Отметим, однако, что при любом подходе к символосфере и смежным с ней явлениям становится явной ее функция — обеспечение гибкой стабильности при адаптации нового. В когнитивной психологии эта идея восходит еще к Жану Пиаже, выделившему в когнитивной адаптации два основных процесса: ассимиляцию и аккомодацию. Ассимиляцией он назвал процесс интерпретации индивидом действительности с точки зрения его «внутренней модели мира», основанной на предыдущем опыте. Применительно к семантическим прототипам авторы прямо пишут о механизмах гибкой приспособляемости [19, с. 274-323]. В этом же духе нетрудно интерпретировать и эволюционные ряды.

Ценность выявления символосферы, на наш взгляд, состоит в том, что она дает представление о когнитивном инструментарии, которым располагает национальный язык, какой-либо его диалект или идиолект отдельного респондента. Априори можно сказать, что рецепция или легитимизация какого-либо нового концепта не может миновать обращения к символосфере. Этим пользуются и дидактика, и риторика. Например, объясняя, что такое тавтология, учитель прибегает к канонизированной иллюстрации: «Тавтология — это масло масленое» (прецедентное высказывание). В данном случае «масло масленое» есть семантический прототип всех остальных тавтологических выражений, будь то «жирный жир» или что-нибудь более изысканное. Выражение «Волга впадает в Каспийское море» — прототип банальности, на который всегда можно сослаться. В двадцатые–тридцатые годы агитация за овладение техникой привела к активизации эволюционного ряда «конь — трактор». Возможность обмениваться электронными сообщениями породила метафору «электронная почта», что отразилось как на интерфейсе, так и на лексике.

Полезность выявления символосферы при решении риторических задач очевидна. Обозначив символосферу, мы получаем знания о наиболее естественном способе адаптации какого-либо явления в сознании слушателей, легитимизации этого явления или, напротив, его осуждения. Она дает возможность высказываться *pro* и *contra*, оперируя не самим явлением, слишком новым или слишком абстрактным, а его значительно более наглядным символом. Словарь в этом отношении может ознакомить читателя, во-первых, с частью символосферы, связанной с данным конкретным концептом, во-вторых, с наиболее активной, ядерной ее частью, то есть с теми концептами, которые чаще всего используются для разъяснения самых разных слов.

Первое нужно для непосредственно риторической разработки понятия. Предположим, речь идет о справедливости. Через какие концепты,

метафоры, символы, прецеденты, метонимии наиболее характерным образом толкуется современными носителями русской культуры слово «справедливость»? Не зная этого или опираясь только на свои представления, говорить о справедливости, конечно, труднее, чем в том случае, когда говорящему будет предъявлен список концептов, да еще и с частотными характеристиками. Так, данные реального опроса показывают, что опорными концептами являются в первую очередь «правда», «честность», «уважение», а, скажем, «равенство» или «права человека», хотя и входят в смысловое поле дефиниенса, занимают по частоте ответов более периферийные места.

Второй аспект связан с такими концептами и словами, которые наиболее часто используются для трактовки других слов. Здесь лучше говорить не о частотности, а о принятой в словообразовании категории продуктивности. Подобно тому, как продуктивный суффикс применяется для образования все новых и новых слов (например, участвует в освоении заимствованного слова), ядерный концепт символосферы активно используется при расширении ментального пространства. Так, категория «уважение» использована респондентами при трактовке четырех слов из десяти предъявленных: *интернационализм, справедливость, рейтинг, счастье*. Аргументация с опорой на категорию «уважение» создает убедительный фон, способствует укреплению доверия между говорящим и аудиторией. Такие данные представляют ценность при риторической разработке тем, не обозначенных в словаре, при выстраивании риторического фона.

Отметим также, что лексикографическое описание символосферы будет способствовать созданию метафорических и метонимических словарей: «Поскольку метафора и метонимия являются основными средствами создания переносных значений слов и представляют собой очень многочисленный, разнообразный и мобильный фонд, их лексикографирование еще долгое время будет продолжать оставаться одной из центральных задач словарной практики» [20, с. 89]. При этом определенные шаги для лексикографического описания метафоры уже сделаны [21, 22]

Семантическая номинация и ее отражение в словаре. Проще обстоит дело с семантической номинацией. Вопрос заключается лишь в том, чтобы номинировать смыслы (но не значения), вкладываемые респондентами в то или иное слово. Эти смыслы не вычитываются из обычных толковых словарей, так как последние описывают лексические значения слова. В центре внимания авторов толковых словарей — разведение разных значений одного и того же слова, то есть соотнесение слова с разными референтами. Так, слово «президент» имеет два значения: «председатель, избранный для руководства обществом или научным учреждением» и «выбранный на определенный срок глава государства с республиканским правлением». Речь идет о

двух разных явлениях. Смыслы же, которые респонденты вкладывают в слово «президент», относятся к разным сторонам одного явления. Для одних «президент» — «хозяин всей России», для других — «руководитель исполнительной власти государства». Один референт, таким образом, соотносится с разными сигнификатами («хозяин страны» и «руководитель исполнительной власти»)³.

Смыслы раскрываются в так называемых перифрастических определениях, которые дают респонденты, отвечая на вопрос о том, как они понимают то или иное явление. Вне ситуации опроса перифразисы (разные смысловые соотношенности того или иного явления) активно используются в публицистике, где они служат для формирования отношения к предмету описания (ср., например: «сепаратисты» и «бандформирования», «стабильность» и «стагнация», «выполнение интернационального долга» и «вмешательство в дела другого государства»). Фиксируя ответы на открытые вопросы, социолог использует такие перифразисы как индикатор общественного мнения. Объединяя перифразисы в группы и давая этим группам названия, он интерпретирует (то есть, в свою очередь, перефразирует) ответы респондентов и получает сводку мнений. Социолог решает текущую задачу, в свете которой и производится идентификация высказываний и их перефразирование. Например, такие ответы респондентов на вопрос о президенте, как «Защитник народа», «Защищенность», «Защита», объединяются им в графу «Защита государства».

Вычленение смыслов призвано решать прежде всего интерпретационные задачи и лишь опосредованно — риторические. Предположим, в газете употреблено слово «компромат». Зададимся вопросом о том, каков репертуар смыслов, которые вкладывают в это слово реальные читатели газеты. Реально мы выделили в ответах респондентов довольно широкий разброс смыслов слова «компромат» с различными оттенками в зависимости от используемых ключевых слов:

- 1) заведомо ложные сведения, призванные опорочить человека;
- 2) «грязная» информация о человеке;
- 3) порочащие материалы;
- 4) обличительный, обвинительный материал;
- 5) донос;
- 6) слежка, подслушивание;
- 7) секретные сведения;
- 8) шантаж;
- 9) отрицательные поступки и действия человека.

³ Сигнификатом называют понятийное содержание языкового знака, референтом — соотносимый со знаком фрагмент действительности.

Поле толкований слова «компромат» разбивается на три микрополя. Первое образовано толкованиями «ложь», «грязь», «компрометирующие материалы» и «обличение». В их основе лежат три дифференциальных признака (1): «ложь», «выявление» и «неприглядность». Интегральным признаком выступает «дискредитация».

Таблица 2

Толкование респондентами слова «компромат» на основе дифференциальных признаков (1)

Толкования	Дифференциальные признаки 1		
	Ложь	Выявление	Неприглядность
Ложь	+	-	-
Грязь	-	-	+
Компрометирующие материалы	-	-	-
Обличение	-	+	-

Компромат мыслится либо как явная ложь (концепт лжи), либо как выявление истины (концепт обличения), либо индифферентно по отношению к истине с наличием или отсутствием акцента на «неприглядности» («грязь»).

Второе микрополе — «донос», «секретные сведения», «слежка», «шантаж» — возникает вследствие метонимического сдвига в значении слова «компромат», что особенно заметно по последнему толкованию, когда «компроматом» называется шантаж, являющийся целью компромата.

Это второе микрополе, имея все тот же интегральный признак «дискредитирующие сведения», создается такими дифференциальными признаками (2), как «предъявление компромата», «сбор компромата» и «корыстное использование компромата».

Таблица 3

Толкование респондентами слова «компромат» на основе дифференциальных признаков (2)

Толкования	Дифференциальные признаки		
	Предъявление компромата	Сбор компромата	Корыстное использование компромата
Донос	+	-	-
Секретные материалы	-	-	-
Слежка	-	+	-
Шантаж	+	-	+
Отрицательные поступки	-	-	-

Третье микрополе включает одно толкование — «отрицательные поступки». Это толкование противопоставлено всем остальным по признаку «дискредитирующие сведения». В нем речь идет не о сведениях, а о поступках, которые легли в основу этих сведений.

Таким образом, мы видим реальную карту понимания слова «компромат» носителями языка. Выделение дифференциальных признаков дает полезный аналитический материал, позволяет не только компактно описать эту карту, но и ориентироваться при решении риторической задачи, когда говорящему необходимо актуализировать одни смыслы слова и купировать другие.

Фокус-группы и обыденные речения

Прагматика говорящих. Что же представляют собой диалоги, возникающие во время проведения фокус-группы, с точки зрения прагматики? Если включенное наблюдение направлено на обычные речевые акты с естественным преобладанием ближней прагматики, то фокус-группы представляют собой инициированные и управляемые диалоги на заданные темы («Поговорим о ...»). Спонтанность такой речи с точки зрения ближней прагматики весьма проблематична и в пределе приближается к уровню школьных «диалогов» на иностранных языках, где ближняя прагматика сведена к нулю: Петя не хочет знать, как Саша провел каникулы (он, если нужно, спросит Сашу об этом на перемене по-русски и в рамках другой дискурсивной стратегии). Главное в таких диалогах — порождение правильных высказываний. Однако спонтанность той же речи в отношении дальней прагматики значительно выше. Хотя модератор и совершает нечто вроде обхода темы по периметру, в ходе диалога все время возникают ситуации, в которых «вспоминаются» и эксплицируются те или иные мыслительные ходы, связанные с темой.

Если респондент непосредственно говорит с чиновником (включенное наблюдение), он имеет свои ярко выраженные коммуникативные и некоммуникативные цели, продиктованные ситуацией. Его речь выстраивается в соответствии с его иллокутивными намерениями и ожидаемым перлокутивным эффектом. Если же респондент говорит о чиновниках в ходе фокус-группы, его цель — репрезентация себя и своего «мнения» (последнее может быть «отредактировано» в самопредставление). Перлокутивный эффект достаточно иллюзорен. К сожалению, грибоедовское «шумим, братец, шумим» вполне относимо к тому, что происходит на фокус-группах. Тем не менее такая методика существует и позволяет выявлять мнения, потому что, как сказано в учебном пособии, посвященном методу фокус-групп, «задачей качественных методов является формирование списка так называемых “гипотез существования”, то есть списка мнений, оценок или высказываний, *существующих* в обществе и, предположительно,

имеющих не нулевую степень распространения» [23, с. 37]. Далее читаем: «При этом, как отмечает Д. Темплтон, предпочтительнее ошибиться, выявив несуществующий или малозначимый фактор, чем упустить высокосзначимый». Наше утверждение состоит в том, что если эти «гипотезы существования» могут быть признаны как мнения и оценки, то с не меньшим основанием они могут быть признаны как высказывания, выявляющие часть концептосферы.

Задача социолога — выявить, что думают сейчас в обществе о чиновниках. Задача лексикографа или культуролога, ориентированного на выявление концептосферы — узнать, как обычно развивается тема «чиновники». Суть проблемы заключена именно в этом «обычно». Вопрос в том, насколько присутствие модератора и сиюминутный контекст влияют на эту обычность. И хотя «предпочтительно ошибиться, включив малозначимый фактор», еще предпочтительнее не ошибаться. Представляется, что если вообразить себе описание ситуации «чиновники» как фрейм, то очень маловероятно, что в течение нескольких лет поменяются слоты этого фрейма. Гораздо вероятнее, что поменяется наполнение этих слотов, в особенности на уровне персоналий или уникальных событий («историй»), имеющих собственные имена и связанных опять-таки с персоналиями. Изменение структуры самого фрейма сигнализирует скорее всего о наличии культурного слома. Хотя фрейм «чиновники» в советское время имел несколько иную структуру, чем сейчас, можно попытаться выявить общее ядро. Но все же актуальней представляется репрезентация концептосферы людей определенной эпохи. Резкие изменения внутри темы связаны либо с границами эпохи (что наиболее вероятно), либо с радикальными изменениями, касающимися именно данной сферы жизни. Последнее всегда легко проверить.

Тематическая номинация и проблема ее представления в атласе. Мысль о тематической номинации тесно связана с идеями концептосферы, фрейма и семантического поля, а также с риторической категорией «общего места» (топоса). Понятие концептосферы было введено Д.С. Лихачевым и толковалось им как «столкновение словарного значения с личным и народным опытом человека», как потенции, заложенные в словарном значении и влекущие за собой шлейф культурных ассоциаций и т. д. [24]. В идее концептосферы особенно привлекательной представляется ориентация на целостность культуры и человека, что может быть противопоставлено «инженерному» подходу к социальным явлениям.

Вводя понятие фрейма, сыгравшее огромную роль в когнитивной науке, Марвин Мински исходил из простого соображения: распознаваемый образ состоит из узлов, часть которых может быть скрыта. По всему фрейму восстанавливаются те части объекта или ситуации, которые не заданы эксплицитно [25]. С помощью этой

идеи искусственные системы, например, могли отвечать на вопросы к тексту, используя слова, конструкции и знания, которые непосредственно в тексте не присутствовали. Концептосфера языка представляет собой своего рода фрейм культуры. Формально расписать этот фрейм на слоты не представляется возможным, но элементы, присутствующие во фрейме национального языкового сознания и отсутствующие в конкретном тексте, позволяют глубже понять последний. Подобный подход вычитывается из распространенного словосочетания «культурный контекст».

В русле этого подхода лежит и идея семантического поля, где с самого начала подчеркивалась важность положения слова по отношению к другим словам [26]. В первоначальном, трировском, варианте понятие «поле» подразумевало только влияние парадигматических связей на объем значения слова. Если один респондент оценивает события по шкале «хорошо — плохо», а другой по шкале «отлично — хорошо — плохо», то, очевидно, что ответ «хорошо» у разных респондентов имеет разный смысл. Следовательно, интерпретация ответов зависит от знания парадигм обоих респондентов. В синтагматическом, порциговском, варианте поле еще ближе к концептосфере. Смысловые связи типа «собака — кусаться» или «собака — выгуливать», на которые обратил внимание Порциг [27], имеют прямое отношение к фрейму. Например, в ответ на реплику: «Я завел собаку» искусственная система, вооруженная фреймом «собака», может спросить: «Кто ее выгуливает?» Понимание текста о чиновниках не может не включать связь «чиновник — взятка», независимо от того, говорится ли в тексте о взяточниках или, напротив, о чиновниках, которые взяток не берут.

Задолго до представления о фрейме или поле подобные вопросы решала риторика в связи с так называемым «изобретением мыслей». Категория «общее место» (топос) как в риторическом, так и в житейском смысле предполагает, что любая тема может быть проработана заранее априорно заданными мыслительными ходами, наличие которых не рекомендуется игнорировать. Знание о концептосфере личности, социальной группы или всей национальной культуры помогает более адекватно интерпретировать ответы этой личности, людей этой группы или носителей этой культуры.

Понятие концептосферы шире введенного выше понятия символосферы. Символосфера отвечает за адаптацию нового и отражает преимущественно парадигматические отношения (например, отнесение видового понятия к родовому). Концептосфера отвечает за всю картину мира и отражает как парадигматические, так и синтагматические отношения. Символосфера вложена в концептосферу, является ее составной частью. В дополнение к символосфере целесообразно рассмотреть некую актуальную часть концептосферы, а именно ту,

которая отражает типичные мыслительные ходы, связанные с какой-либо темой. Развертывание темы отвечает не на вопрос: «Что такое интеллигенция?», а на реплику: «Поговорим об интеллигенции».

Подобно тому, как мы номинировали смыслы слова, могут быть номинированы темы, возникающие в связи с развертыванием некой общей темы. Если носителем смысла выступал перифразис или дефиниция, то носителем темы выступает мотив (в литературоведческом смысле слова). Таков, например, мотив (микротема) «взятки» в теме «чиновники», мотив «порчи нравов» в теме «цензура». Скажем, в связи с темой «цензура» нас уже не будет интересовать ни то, через что определяется «цензура», ни то, какие смыслы вкладываются в понятие «цензура», но то, какие темы поднимаются в связи с концептом «цензура». Так, в связи с «цензурой» встает вопрос о «свободе слова», о «журналистах», о «порче нравов», о «дискредитации», «тоталитаризме» и т. п. Обращение темы в публичном пространстве, ее актуализация в нем, неизбежно вызывает в сознании весь фрейм «цензура». Наивно думать, что защитник ужесточения цензурных запретов не столкнется с темой тоталитаризма, будет ли он ее поднимать (что риторически выгодно для него) или нет. Странник отмены цензуры непременно столкнется с темой «порчи нравов» или «нагнетания отрицательной информации» также независимо от того, будет ли касаться этих тем он сам (что было бы риторически правильно) или нет.

Семантическая предикация и проблема ее отражения в атласе.

Если в отношении номинации важно перечислить микротемы, связанные с данной темой, то в отношении предикации важно выделить связанные с ней суждения, сентенции. Последнее уже непосредственно касается аргументативной стороны и подчинено риторической задаче. В каждом тематическом поле существуют некоторые утверждения, предизирующие тему, — семантическая предикация.

Если подойти к развертыванию темы с позиции концептосферы, то различие между номинацией и предикацией будет то же, что и различие между фразеологией и паремиологией, связанной с каким-либо словом. Так, слово «рубашка» вызывает ассоциацию не только с фразеологической единицей «родиться в рубашке», но и с пословицей: «Своя рубашка ближе к телу». Естественно, что для интерпретатора текста интересней фразеология, ибо без ее знания невозможно, например, понять текст на иностранном языке. Скажем, в результате дословного перевода с английского вместо «родиться в рубашке» может появиться неясное выражение «родиться с серебряной ложкой во рту». Пословица же интереснее с риторической точки зрения. Недаром в древних риторических трактатах паремия (пословица) рассматривалась наряду с фигурами речи. Ссылка на пословицу, афоризм, крылатое слово всегда обладала силой аргумента. При «концептосферном» подходе мы можем обозначить наш интерес как выявление сентенций, связанных с темой.

Если подойти к развертыванию темы с точки зрения мотива (в литературоведческом смысле), то наши интересы окажутся связанными с «сюжетами», то есть с комбинацией мотивов, развертывающихся в некое «сюжетное повествование». С точки зрения лингвистического фрейма это можно рассматривать как переход от собственно фрейма к скрипту. С точки зрения теории поля это нечто вроде перехода от обычных полей к функциональным. Таким образом мы переходим от номинативно-статичной картины к картине предикативно-динамичной.

В развертывание темы входят модальные высказывания типа «Чиновник должен...», «Чиновник нужен...», «Чиновник может...»: *Чиновник должен обеспечивать исполнение закона; Чиновник нужен, но не в таком количестве; Чиновник может найти лазейку в законе.* Сюда войдут также квалификационные суждения типа «Чиновник — это...» и близкие к ним, обозначающие явление в его характерной функции (или дисфункции) — «Чиновник обычно...»: *Чиновник — это государственный служащий; Чиновник в первую очередь бюрократ и взяточник.*

Другим параметром развертывания темы является взаимодействие разных акторов данного семантического поля. В приведенных выше примерах это взаимодействие «чиновника» и «закона». В развертывании темы участвует, разумеется, не только ключевое слово. Так, в теме «чиновники» будут встречаться суждения об «окладе чиновников», об «аппарате чиновников»: *Необходимо повысить оклады чиновников; Необходимо сократить аппарат чиновников в разумных пределах.*

В развертывание темы входят и высказывания-обоснования, самым непосредственным образом связанные с аргументацией: *Чиновник — необходимая вещь, потому что он пытается навести порядок в производстве.* К обоснованиям примыкают высказывания, называющие причину явления: *Чиновник сидит в своем кресле из-за того, что там можно взять.*

Заключение

Предполагаемые словари ориентированы на нужды «говорящего класса» — тех, кто говорит и пишет в публичном пространстве. Цель словарей, если попытаться выразить ее в одной фразе, — помочь говорящему ответить на вопрос о том, «как наше слово отзовется». Точнее, цель — эксплицировать тот мыслительный и словесный контекст общественного сознания, в который попадают слова из общественного дискурса. Знание этого контекста не только помогает избежать коммуникативных неудач, но и оказывается полезным при риторической разработке тем, так как дает представление о мыслительных ходах, когнитивных шаблонах, языковых штампах, общих местах, с которыми сопряжена та или иная тема. Игнорирование этих шабло-

нов, незнание когнитивных карт слушателей вынуждает говорящего строить собственные гипотезы. Словари же должны послужить говорящему путеводителем, подобно настоящей карте местности.

Сейчас роль таких путеводителей играют привязанные к конкретным темам и актуальным ситуациям социологические опросы. В идеале хорошо иметь словари общественного мнения, описывающие устойчивую когнитивную картину, а затем на фоне обнаруженных инвариантов проводить еще и конкретно ориентированное социологическое исследование. Исследование точнее, если оно учитывает зафиксированные в словаре стереотипы. Цель словарей состоит в том, чтобы эксплицировать когнитивные и лингвистические фреймы, иными словами, сделать общественное сознание более прозрачным. Словари ориентированы не только на говорящего, но и на слушающего, на интерпретатора. Они могут быть полезны самим социологам. Если прибегнуть к метафоре, то социологические опросы можно уподобить рентгеновскому снимку, а словари — анатомическому атласу.

Почти двадцать лет назад Ю.Д. Апресян написал, что реконструкция «наивной модели мира» начинает рассматриваться как «сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе». Тогда же он заметил, что реконструкция наивной модели мира позволяет изменить «стратегию описания языковых значений, сделать ее более общей и пронизательной» [28, с. 6]. Наша стратегия опирается на построение словарей, ориентированных на экспликацию символосферы и концептосферы. Вопрос о ее силе и общности возникнет при воплощении ее в жизнь и будет, по-видимому, поставлен достаточно остро. Но само использование социологического материала в реконструкции наивной модели мира, безусловно, очень перспективно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: В 2-х т. / Пер. с англ. Н.Н. Марчук. М.: Вече, АСТ, 2001.
2. Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
3. Чесноков С.В. Социальные измерения вопросов и ответов // Социологический журнал. 2002. № 2.
4. Якобсон Р.О. Шифтеры, русский глагол и глагольные категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972.
5. Жихарев С.П. Записки современника: воспоминания старого театрала. В 2-х т. Л.: Искусство, 1989.
6. Елизарова Г.В. Социологическая лингвистика. СПб: Бельведер, 2000.
7. Райхштейн А.Д. Лингвострановедческий аспект устойчивых словесных комплексов // Словари и лингвострановедение. М.: Русский язык, 1982.

8. *Мягков А.Ю.* Социально-демографические переменные в социологическом исследовании: оценка достоверности самоотчетов респондентов // Социологический журнал. 2001. № 3.
9. *Мягков А.Ю.* Использование экспертных оценок при диагностике неискренних ответов респондентов // Социологический журнал. 2003. № 3.
10. *Мегентесов С.А., Хазагеров Г.Г.* Очерк философии субъектно-предикатных форм в языковом и культурно-историческом пространстве. Ростов-на-Дону: РГУ, 1995.
11. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
12. *Щемилева Е.Ю.* Определение и способы его языковой реализации: коммуникативно-структурный подход. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1991.
13. *Rosh E.* Cognitiv representation of semantic categories // Journal of Experimental Psychology. 1975. No. 404.
14. *Хазагеров Г.Г.* Система убеждающей речи как гомеостаз: ораторика, гомилетика, дидактика, символика // Социологический журнал. 2001. № 3.
15. *Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2. М.: Изд-во МГУ, 1998.
16. *Тайлор Э.* Первобытная культура. М.: Изд-во политической литературы, 1989.
17. *Степанов Ю.С.* Семиотика концептов // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов; 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.
18. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.
19. *Рахилина Е.В.* Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: ВИНТИ, 1998.
20. *Девкин В.Д.* О неродившихся немецких и других словарях // Вопросы языкознания. 2001. № 1.
21. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русской политической метафоры. М.: Институт русского языка РАН, 1994.
22. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.
23. *Белановский С.А.* Метод фокус-групп. М.: Никколо-Медиа, 2000.
24. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия: Литература и язык. 1993. Т. 52. № 1.
25. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергетика, 1979.
26. *Trier J.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verschandes. Heidelberg, 1931.
27. *Porzig W.* Wesenhaften Bedeutungsbeziehungen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1934. Bd. 58.
28. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М.: ВИНТИ, 1986.